
К. М. ПИСЦОВ

СОЧИНЕНИЕ ЛЮ ЖОЮЯ – УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КИТАЙСКОГО ДВОРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

В статье впервые на русском языке изложена биография придворного евнуха Лю Жоюя (1584 – ?), рассказано о его сочинении. В воспоминаниях Лю Жоюя содержится ценный материал о жизни китайского императорского двора первой трети XVII в., рассказывается о политической и культурной жизни того времени.

Ключевые слова: Лю Жоюй, «Чжо чжун чжи», «Мин гун ши», эпоха Мин, придворная жизнь, двор монарха.

Последнее время феномен двора монарха находится в центре внимания отечественных исследователей¹. Причем до сих пор объектом исследования становился если не исключительно, то преимущественно двор европейского монарха. Азиатские дворы, в частности китайский, исследованы в значительно меньшей степени². Между тем обращение к восточному региону не только позволило

---

¹ Библиография работ по данной тематике, вышедших в России за последние 20 лет (включая переиздания), заняла бы не один десяток страниц. Назовем четыре сборника статей под редакцией Н. А. Хачатурян (2008; 2001; 2004; 2006), работы О. Г. Агеевой (2008; 2018), В. В. Шишкина (2018).

² Насколько нам известно, специальных монографий на русском языке, посвященных жизни китайского императорского двора, его структуре, церемониалу, политическим и репрезентативным функциям, пока не существует. Отдельные аспекты жизни императорского двора XIV–XVII вв. (периода, о котором пойдет речь в статье) освещены в исследованиях А. А. Бокщанина (1968; 1986), Н. П. Сви-стунной (Законы... 1997–2012), сокращенном переводе на русский язык сочинения У Ханя (1980) и некоторых других работах в той степени, в какой они соприкасаются с основной темой исследований авторов. Что касается других государств региона, то интересная информация о японском императорском дворе содержится в работе А. Н. Мещерякова (2004). Емкий очерк структуры и различных сторон быта японского двора эпохи Хэйан принадлежит перу Т. Л. Соколовой-Делюсиной (Мурасаки Сикибу 1992). Различные аспекты жизни корейского двора эпохи Чосон рассмотрены в книге Т. М. Симбирцевой (2012).

бы расширить географию исследований, но и предоставило материал для сравнительного анализа, который, как нам кажется, может принести интересные результаты, выявив наряду с региональными особенностями общие закономерности функционирования придворных институтов и норм придворной жизни.

Помочь восполнить этот досадный пробел может, в частности, творческое наследие Лю Жоюя (1584–?), уже довольно давно активно используемое как китайскими учеными, так и западными синологами, но до сих пор ускользавшее от внимания отечественных специалистов³.

Лю Жоюй (изначально носил имя Шиминь) происходил из военной семьи, родился в области Яньцин⁴ в провинции Северная Чжили. Лю получил классическое образование и готовился к экзаменам, открывающим путь к чиновничьей карьере. Но в 16-летнем возрасте он внезапно, под влиянием вещего сна, оскотил себя и в 1601 г. поступил на службу во дворец. Надо сказать, что такой поворот карьеры нетипичен для минской эпохи. Большинство евнухов происходили из бедных семей, многие из них были малограмотны, хотя во дворце и существовала с XV в. школа для обучения скопцов. Лю Жоюй прослужил во дворце более четверти века. Длительное время занимал важный пост в Департаменте управления церемониалом – одном из ключевых дворцовых ведомств. Довольно близко знал последнего минского императора в то время, когда тот еще был принцем. Но в конечном итоге судьба его сложилась трагично. 1620-е гг. были временем ожесточенной борьбы при дворе. Лю Жоюй не играл в ней самостоятельной роли, но оказался связан с партией могущественного временщика Вэй Чжунсяня (1568–1627). Когда в конечном итоге временщик пал, Лю Жоюй отправился в ссылку. Однако очень скоро Лю вернули в столицу

³ В литературе на русском языке, насколько нам известно, книга Лю Жоюя упомянута лишь дважды. Первый раз – в примечаниях к книге В. М. Алексеева «Китайская народная картина» (Алексеев 1966: 234). Информация о Лю Жоюе и его книге, помещенная в упомянутом издании, заимствована из работы профессора Ван Шуцуня, а время написания книги (или жизни Лю Жоюя?) указано не совсем точно – XVI в. Второй раз – в переведенной с английского работе Беатрис Отто «Дураки: те, кого слушают короли» (Отто 2008: 41). Книга посвящена феномену шутчества в разных странах, со ссылкой на сочинение Лю Жоюя в ней общается о жившем в начале XVII в. секретаре одного из дворцовых ведомств Ван Цзиньчао, который, «наложив грим, отпускал шуточки».

⁴ В настоящее время Яньцин является районом городского подчинения города Пекин.

в связи с новыми обвинениями – в причастности к подделке официальных документов в целях расправы с политическими противниками. После разбирательства Лю Жоюй был приговорен к отсечению головы⁵. Из тюрьмы он подал прошение о помиловании, которое было отклонено, но через пять лет приговор смягчили до удушения. Еще через восемь лет в связи с общей амнистией дело Лю пересмотрели, но относительно его дальнейшей судьбы сведения источников и мнения исследователей расходятся. В официальной истории «Мин ши» сказано, что Лю был освобожден из заключения, о дальнейшей его жизни ничего не сообщается⁶. Та же информация повторяется в китайских изданиях последней четверти XX в. и в китайской Википедии⁷. Однако в записках чиновника Ли Цина (1608–1683), участвовавшего в пересмотре дела Лю, говорится, что тот умер в тюрьме⁸. Авторы солидного американского справочника «Dictionary of Ming Biography», ссылаясь на записки Ли Цина, тоже сообщают, что Лю Жоюй умер в тюрьме, и даже уточняют дату смерти – конец 1641 или 1642 г.⁹

В любом случае Лю Жоюй пробыл в заточении больше 12 лет. За это время он написал книгу «Чжо чжун чжи»¹⁰. Название можно перевести как «Записки за вином». В старых китайских тюрьмах заключение не являлось самостоятельным наказанием, обычно там содержали подсудимых или приговоренных в ожидании казни. Пищу заключенным или деньги на их содержание передавали родственники либо друзья, соответственно, рацион узников мог заметно варьироваться. Может быть, Лю Жоюй действительно подкреплял себя вином во время работы над книгой. Но возможно, что «вино» в заголовке выступает в качестве какой-то метафоры.

---

⁵ В традиционном Китае особо опасных преступников казнили безотлагательно после утверждения приговора, остальные смертные приговоры приводились в исполнение осенью. В данном случае казнь Лю как пособника была отложена (Лю Жоюй 1994: 211).

⁶ Мин ши 明史 卷305, 列传第193. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=1348&remap=gb>.

⁷ См.: Лю Жоюй 1994: 1; 1982: 1; [https://zh.wikipedia.org/wiki/刘若愚_\(明朝宦官\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/刘若愚_(明朝宦官)).

⁸ <https://zh.wikisource.org/zh-hans/三垣筆記>.

⁹ См.: Goodrich, Fang Chaoying 1976: 951.

¹⁰ В некоторых работах (см., например: *Ibid.*) указано, что первоначальным названием книги было «Чжо чжун чжи люэ», но известность она получила под названием «Чжо чжун чжи», под которым переиздается и исследуется в настоящее время в КНР и которое используется и в нашей статье.

«Мин ши» сообщает, что Лю Жоюй написал книгу с целью оправдаться. Весьма вероятно, что таков и был первоначальный мотив написания. Автор порицает низверженного Вэй Чжунсяня, приводит примеры его злоупотреблений и некомпетентности. В соответствии с историографическим этикетом даже само имя Вэя в книге трансформировано: один из иероглифов заменен на иероглиф с «негативным» смыслом «враг, супостат», так что вместо Вэй Чжунсянь получается Вэй Нисянь¹¹.

Но Лю Жоюй вышел далеко за рамки задачи самооправдания. Книга включает 23 *цзюаня* (главы). Лишь 8 из них повествуют о Вэй Чжунсяне и его приспешниках. Остальные содержат биографии придворных, записи о двух последних минских императорах, заметки о событиях разной значимости при дворе, две главы носят автобиографический характер. Особняком стоят пять *цзюаней* с 16-го по 20-й, в которых описаны различные стороны повседневной жизни императорского дворца. Причем в этих пяти главах проявляется порой практически исследовательский подход.

На страницах произведения соседствуют «большая» и «малая» история. С одной стороны, автор описывает общегосударственные мероприятия, например, обреченную на провал из-за плохой организации попытку Вэй Чжунсяня обеспечить армию необходимым количеством лошадей, с другой – гастрономические пристрастия предпоследнего минского императора. Главы, посвященные двум последним минским императорам – Си-цзуну (на троне – 1620–1627) и Сы-цзуну (на троне – 1627–1644), отличается краткость, причем биография Сы-цзуна доведена лишь до момента его вступления на престол (вскоре после этого Лю Жоюй попал в опалу и оказался в заточении). Представленная в этих двух главах информация, несмотря на ее бесспорную уникальность, интересна в большей степени для реконструкции психологических портретов героев повествования и идеологических установок, на которые ориентировался Лю Жоюй, работая над книгой. В качестве примера можно

---

¹¹ Подобная практика в Китае существовала и ранее, похожую ситуацию мы наблюдаем также в Древнем Египте, где в официальном документе имена заговорщиков претерпели схожую метаморфозу: имя «Добро в Фивах» превратилось в «Мерзость в Фивах», а «Ра его любит» было заменено на «Ра его ненавидит» (Монтэ 1989: 219).

привести два эпизода из главы про будущего императора Сы-цзуна. Однажды принц, рано лишившийся родителей, спросил некоего доверенного слугу о местонахождении могилы своей покойной матери – знает ли тот, где среди императорских гробниц она расположена. Слуга отвечал, что знает. Тогда принц вручил ему лян серебра и поручил отправиться воскурить на могиле благовония (Лю Жоюй 1994: 24). Другой раз как-то вечером принц увидел во сне черного дракона, обвинявшегося вокруг колонны дворцового павильона, о чем поспешил рассказать своей приемной матери (Там же: 25). Изложенные эпизоды могут быть истолкованы двояко. Читатель XXI в., скорее всего, отметит здесь одинокое сиротское детство и, возможно, некоторую повышенную впечатлительность будущего монарха. Но для современника Лю Жоюя первая история будет свидетельствовать о примерной сыновней почтительности – главной конфуцианской добродетели (не случайно Лю Жоюй также не упускает случая отметить, с каким похвальным вниманием принц навещал по утрам свою приемную мать). Второй эпизод – типичный пример предзнаменования (прием, характерный как для исторической, так и для мемуарной литературы в любом традиционном обществе): принцу, несомненно, суждено занять императорский трон, ведь дракон – символ императорской власти. Следует отметить, что если бы Лю Жоюй выдумал эту историю задним числом, то, скорее всего, описал бы дракона желтого – императорского цвета, но поскольку увиденный принцем дракон был черным, история, видимо, восходит к реальному факту.

Не менее красноречивы эпизодические упоминания о Вэй Чжунсяне в разных главах, которые могут показаться случайными, но на деле каждый раз позволяют на новом материале подтвердить тезис о его порочности. В частности, в главе о придворном костюме описаны многочисленные случаи нарушения временщиком субординации, продиктованные его безудержным пристрастием к роскоши (что неизменно раздражало будущего императора Сы-цзуна, «от природы скромного и бережливого»; см.: Там же: 165). Столичные чиновники и придворные эпохи Мин носили на поясе в качестве своеобразного пропуска в императорский дворец косяные бирки с указанием занимаемой должности, которые привешивались к поясу на темной ленте. Одно из изобретений Вэй Чжунсяня состояло

в том, что костяные пластинки следовало заменить на изящно выполненные нефритовые, а темную ленту – на более широкую пятицветную. Более того, на ленту нашивались мелкие жемчужины, драгоценные камни, бусины из коралла и цветного стекла. Глядя на такой аксессуар, «знающие люди» тайно сетовали: «Тот, кто носит у пояса жемчужины, – дожидается казни!» (Лю Жоюя 1994: 167). Данное пророчество было основано на сходном произношении слов «жемчужина» и «казнь» – *чжу*. Но дело, конечно, не только в омониме, в подобных пересудах сквозит явное недоброжелательство. Вероятно, чрезмерная роскошь в одежде, к которой стремился временщик, представлялась его противникам внешним выражением беспорядка, который он вносил в дела правления. Сам цвет нашитых на ленту жемчужин у Лю Жоюя ассоциировался (вероятно, постфактум) с цветом траурных одежд – из грубой белой ткани. Зловещие предзнаменования не замедлили исполниться – Вэй Чжунсянь, потерпев поражение, покончил с собой, а многие из его сторонников были казнены.

Костюм играл исключительно важную роль в китайской культуре – по его покрою и манере ношения жителей Среднего государства отличали от варваров, использование подданными утвержденного правителем фасона демонстрировало их лояльность, а регламентация костюма правителем служила одним из средств поддержания гармонии в микрокосме и макрокосме. При таком внимании к костюму стоит ли удивляться, что иногда капризы моды расценивались наблюдателями как мистические предзнаменования грядущих событий. Историограф Гань Бао (IV–V вв.) в 7-й главе своего труда «Записки о поисках духов» перечисляет причуды моды, сулящие бедствия государству наряду с появлением на свет необычных существ, имеющих то же значение (Гань Бао 1994: 196–197, 201, 202, 214–215). Младший современник Лю Жоюя Ли Юй (1611–1679) в своем эссе «Случайное пристанище для праздных дум» вспоминает, что впервые увидев вошедшие в моду в самом конце минской эпохи женские платья, сшитые из отдельных лоскутков, сказал кому-то: «Покрой одежды не меняется без причины! За этим непременно что-то стоит, отсюда и происходят все изменения. По всей видимости... произойдут события, которые приведут к развалу. Разве не так?» (Ли Юй 1995: 520). Скорое падение импе-

рии Мин полностью подтвердило справедливость его опасений¹². Таким образом, Лю Жоюй, апеллируя к традиционным представлениям, не только характеризует тщеславие и самовластие Вэй Чжунсяня, но и демонстрирует, что его гибель была предопределена Небом и предречена недобрыми знаменами.

Но наибольший интерес для исследователя представляют содержащиеся в сочинении сведения о жизни императорского двора: его организационной структуре, планировке дворцового комплекса, регламентации различных сторон придворного быта, годовом круге жизни во дворце. Эта информация сосредоточена в цзюанях 16–20: «Функции учреждений Внутренней резиденции», «Очерк устройства Высочайшей Внутренней [резиденции]», «Очерк о канонах и книгах, изданных в печатне Внутренней [резиденции]», «Очерк о костюме и аксессуарах внутренних чиновников», «Очерк о предпочтениях в еде и питье». И здесь рядом с Лю Жоюем-мемуаристом появляется Лю Жоюй-исследователь, вполне сознающий научную ценность собранных им уникальных сведений. В первом очерке охарактеризованы многочисленные дворцовые службы с приложением штатного расписания каждой из них. Во втором не только перечислены сооружения (ворота, павильоны, мосты) дворцового комплекса, но и указаны местонахождение на его территории в различное время резиденций императоров и членов их семей,

---

¹² Подобный анализ костюма, предпринимавшийся не то в серьезных попытках прозреть будущее, не то для семиотических игр с сатирическим подтекстом, характерен и для других народов. Например, когда в начале XIX в. в русской армии были введены эполеты (по французскому образцу), пессимисты неодобрительно отметили, что «теперь Наполеон сидит на плечах у всех русских офицеров» (Троицкий 1994: 189). А спустя чуть менее трехсот лет после гибели династии Мин советский историк и культуролог Н. П. Анциферов констатировал ту же закономерность, что Ли Юй, правда, применительно уже не только к костюму, а к искусству в целом: «Уже не раз многие мыслители отмечали, что искусство особо четко реагирует на то, что совершается в жизни. Некоторые приписывают ему дар предвидения. Многие явления в историческом процессе до своего раскрытия в событиях были уже отражены в искусстве поэтами, художниками. Эта пифийность “служителей Аполлона” может найти себе объяснение. События суть воплощения тех явлений, которые незримо созревают в недрах общества. В эпохи глубоких кризисов, предшествующих каким-либо историческим катастрофам, чуткие представители искусства улавливают то, что уже есть, но что еще не раскрылось в историческом процессе. Эпоха чревата событиями, но рождение еще впереди. Эту-то чреватость и улавливают чуткие современники. Так, согласно примете, ласточки, чуя гущенную атмосферу, летают низко над землей, предвещающая грозу» (Анциферов 1926: 171).

обычные маршруты следования императорского кортежа и тому подобная информация. Автор сообщает о случаях переименования тех или иных объектов, для некоторых приводит варианты названий – официальное и обиходное. В третьем очерке помещен перечень книг императорской библиотеки с указанием количества томов и даже страниц в каждой. Четвертый и пятый очерки содержат бесценные сведения для исследователей материальной культуры и календарных обычаев и обрядов эпохи Мин. Описывая костюмы дворцовых служителей, Лю Жоюя сравнивает их с фасонами, которые носят за пределами Запретного города, указывая на различия в названии, сходство или отличие покроя и материала. «Очерк о предпочтениях в еде и питье» на самом деле содержит своеобразный календарь придворной жизни – помесечное изложение отмечаемых праздников и повседневных занятий обитателей дворца с указанием сезонных особенностей их гардероба и стола. Вот как выглядит, например, описание пятого месяца по лунному календарю: «Пятый месяц – начиная с 1-го числа и заканчивая 13-м, дворцовые женщины и евнухи носят расшитые четырехкоготными драконами одежды с нашивками с изображением пяти ядоносков¹³ и полынных тигров¹⁴. С двух сторон от дверей выставляют в вазах аир и полынь¹⁵. На воротах вывешивают подвесные экраны, на которых изображен Небесный наставник¹⁶ или история о том, как бессмертный отрок либо бессмертная дева укрощают ядоносков. [Эти изображения] – вроде [изображений] духов дверей в праздник

¹³ Пять ядоносков – ядовитые представители животного мира (их конкретный состав варьировался, но обычно включал скорпиона, многоножку, змею, жабу и ящерицу), которые в пятом месяце, как считалось, становились особенно опасны для человека. Изображения ядоносков помещались на одежде и амулетах в качестве оберега (Джарылгасинова, Ионова 1989: 54).

¹⁴ Сплетенные из полыни (по другой версии, изготовленные из шелка, но украшенные полынными листьями) фигурки тигров вывешивались в пятом месяце на дверях в качестве оберега (Алексеев 1966: 218; Джарылгасинова, Ионова 1989: 55). Поэтому за изображениями тигров, связанными с пятым месяцем, закрепилось определение «полынные», даже если они были напечатаны на бумаге или вышиты на одежде. Обычно такой тигр изображался в окружении пяти ядоносков.

¹⁵ Для отпугивания ядовитых тварей и отвращения зла. О символике аира и полыни в обрядах пятого месяца см.: Джарылгасинова, Ионова 1989: 54–55.

¹⁶ Имеется в виду Небесный наставник Чжан (Чжан Тяньши) – в даосской и поздней народной мифологии борец с нечистью, одной из «специализаций» которого являлась борьба с ядовитыми тварями (Мифы... 1988: 626).

Нового Года, лишь после того как [они] провисят месяц, [их] снимают¹⁷.

В полдень пятого числа пьют аировое вино с добавлением киновари и реальгара, едят пельмени, смоченную холодной водой лапшу с добавлением чеснока. Любуются цветами граната, вешают на пояс листья полыни, готовят лекарства, рисуют амулеты для защиты от болезней. Совершенномудрый государь осчастлиливает посещением Западное озеро, где устраиваются гонки драконовых лодок и катание на маленьких лодках, или осчастлиливает посещением гору Ваньсуй, перед которой высаживает иву, смотрит, как молодцы из Конюшенного приказа упражняются в скачках и джигитовке. В период жары, следующей за летним солнцестоянием, втыкают в прическу лист клещевины. Едят “кушанье долголетия” – это портулак» (Лю Жоюй 1994: 180)¹⁸.

Одна из интереснейших тем, которую позволяет рассмотреть сочинение Лю Жоюя, – это взаимное влияние народной и придворной культур в позднеимператорском Китае. В самом начале главы о костюме придворных евнухов автор констатирует его отличие в большинстве случаев от одежды, которую носят за пределами дворца. Но уже в следующей главе, посвященной фактически календарным праздникам во дворце, выясняется общность традиций, характеризующих народную и придворную культуры. Это особенно заметно на примере печатных (во дворце, возможно, живописных) картин, украшающих жилища в определенные сезоны года. В настоящее время они часто упоминаются в исследованиях под именем народных картин, но и сюжеты, и даже композиция этих изображений, украшающих дома горожан и крестьян, идентичны тем, что вывешивались на дворцовых строениях. В канун Нового года – это фигуры духов дверей, в пятом лунном месяце, как мы видели, – изображение Небесного учителя Чжана или бессмертных,

---

¹⁷ Духи дверей – персонажи народной мифологии. Начиная с XII в. их изображения (в образе полководцев) вешали в период новогодних праздников на створки ворот дома (Там же: 191). Лю Жоюй имеет в виду функциональное и композиционное сходство изображений, а не внешний вид представленных на них персонажей.

¹⁸ При подготовке перевода закономерно возник вопрос, использовать ли в русском тексте настоящее или прошедшее время. В конечном итоге выбор был сделан в пользу первого варианта: хотя к моменту написания книги описываемые события относились к прошлому Лю Жоюя, в силу их циклической повторяемости (даже при возможности небольших вариаций) употребление настоящего времени показалось стилистически более удачным.

заклинающих ядовитых тварей. Мог различаться лишь материал, используемый при изготовлении изображений, который во дворце был более дорогим¹⁹.

С наступлением зимы дворцовый Департамент управления церемониалом выпускал ксилографическую картинку «Девять девяток зимних холодов» с изображением цветущей сливы – всего 81 лепесток. Каждый день полагалось закрашивать по одному лепестку, читая вслух стихотворные строки (Лю Жоюя 1994: 183). К тому времени, как все лепестки оказывались закрашены, период холодов подходил к концу. Подобные ксилографические изображения с тем же названием на протяжении примерно 400 лет продавались на улицах китайских городов и деревень (Алексеев 1966: 234, 27–28, 29, илл. 11), их и сегодня можно приобрести в традиционных центрах производства народных картин в КНР. В пятом месяце, как мы видели, в дворцовом парке проводились гонки драконовых лодок, высочайшие особы высаживали иву – то же самое происходило в это время и вне стен императорской резиденции (Джарылгасинова, Ионова 1989: 48–70). Даже изображения, украшавшие по случаю того или иного праздника костюм дворцовых служителей (специфику которого специально отметил Лю Жоюя), соответствовали традиционной народной символике данного праздника – полынный тигр, мост из сорок²⁰, хризантема²¹ и т. д.

¹⁹ Подобная ситуация сохранялась и в царствование следующей, маньчжурской по происхождению династии, несмотря на заметное культурное различие между занимавшими трон маньчжурами и широкими массами китайского населения. Об этом свидетельствуют как материальные памятники из коллекции музея Гугун в Пекине (Гунли... 2016: 171–181) и императорское распоряжение от 30 года Цяньлун (1765 г.), повелевавшее сократить число изображений духов дверей на дворцовых зданиях из соображений экономии (Там же: 178–179), так и распространение в Пекине на рубеже XIX–XX вв. печатных картин-оберегов, воспроизводящих якобы собственноручные рисунки императрицы Цыси – фактической правительницы Китая (Алексеев 1966: 222–223).

²⁰ Образ, связанный с Праздником Кануна Седмицы и восходящий к древней легенде о разлученных супругах Ткачихе и Пастухе (олицетворения звезд Вега и Альтаир), живущих на разных берегах Небесной реки (Млечный Путь). Лишь раз в год – в ночь на седьмое число седьмой луны – сороки составляют из собственных тел живой мост, по которому Пастух переходит реку, и эту ночь муж с женой проводят вместе (Джарылгасинова, Ионова 1989: 73–74). Нашивки с изображением моста из сорок женщины во дворце надевали в Праздник Кануна Седмицы (Лю Жоюя 1994: 181).

²¹ Расцветающая осенью хризантема соотносилась с Праздником Двойной Девятки – последним осенним праздником в традиционном Китае, отмечавшимся

Таким образом, записки Лю Жоюя свидетельствуют о довольно широком спектре взаимоотношений придворной и народной культуры в разных сферах – от осязаемого различия до почти полной идентичности.

Сочинение Лю Жоюя можно с полным правом отнести к мемуарной литературе. И в этом смысле любопытный материал для сопоставления дают мемуары придворных, написанные в различных странах в разные эпохи. Например, «Мемуары» герцога Сен-Симона, где в хронологическую канву вплетаются сведения об этикете, являющемся важной составляющей придворной жизни, «Записки у изголовья» Сэй Сенагон и «При дворе двух императоров» А. Ф. Тютчевой, где можно найти вовсе удивительные параллели с текстом «Чжо чжун чжи». Сэй Сенагон пишет про «госпожу кошку, служившую при дворе» и носившую чиновничий ранг, а Лю Жоюй описывает Кошачий департамент во дворце минских императоров, где любимые коты государя тоже получали чиновничьи звания (Сэй Сёнагон 1975: 30; Лю Жоюй 1994: 129). Кроме того, там были предусмотрены специальные уважительные наименования и для «нечиновных» котов, кошек и кастрированных котов, что в какой-то степени имитировало структуру придворного общества²². Если прилетающая на крышу Зимнего дворца «большая черная птица, встречающаяся только в Финляндии, где она считается предвестницей зла», предрекает смерть Николая I, то загадочная крупная птица, по-совиному кричащая в ночи на крыше дворцового павильона, является предзнаменованием смерти императора Тянь-ци и падения его фаворита (Тютчева 1990: 134; Лю Жоюй 1994: 22–23)²³. Пять бытописательных глав, как тематикой, так и

девятого числа девятой луны (Джарылгасинова, Ионова 1989: 93). Нашивки с хризантемами дворцовые женщины и евнухи носили в Девятом месяце (Лю Жоюй 1994: 182).

²² К кличке животных добавляли уточнения: для кота – «челядинец», для кастрированного кота – «господин», для кошки – «служанка» (Лю Жоюй 1994: 129).

²³ Подобные совпадения едва ли можно считать случайными. И дело, конечно, не в том, что пернатые объективно представляют опасность для императоров, а кошки наиболее подходят для придворной службы. В первом случае скорее можно говорить об общей предрасположенности представителей придворного социума искать задним числом зловещие предзнаменования, которые, по их мнению, должны неизбежно сопутствовать такому экстраординарному событию, как смерть монарха, воплощающего в своей особе центр придворного мира. Во втором случае, как нам кажется, проявилось представление о том, что мироустроительная

непосредственной манерой изложения, несколько напоминают записки Григория Котошихина, составленные примерно в то же время, хотя последние, строго говоря, не принадлежат к мемуарной литературе.

Интересен стиль произведения, характерный для интеллектуала XVII в. Уникальна для Китая сама ситуация, когда классически образованный человек описал мир дворцовой жизни «изнутри». Лю Жоюя активно использует цитаты из классических сочинений, упоминает эпизоды Минской истории. Обращает на себя внимание речевой этикет, которого придерживается автор. Выше уже шла речь про трансформацию имени Вэй Чжунсяня. Себя, в соответствии с традицией, Лю именует «пребывающий в узилище слуга». Для китайцев привычно наименование членов императорской семьи по местоположению их резиденции: «Восточный дворец» – наследник престола, «Средний дворец» – императрица²⁴. Умерших императоров в документах и исторических сочинениях обычно называли храмовым именем Тай-цзун (Великий предок), Жэнь-цзун (Человеколюбивый предок) и т. д. Лю Жоюя царствующего монарха называет просто «Нынешний император», его предшественника тоже предпочитает называть «Прежний император». А вот при упоминании предыдущих императоров Лю Жоюя использует более редкую, хотя встречающуюся и в трудах некоторых других авторов конца эпохи Мин форму – комбинацию первого иероглифа храмового имени и слова «храм предков» – «мяо». Допустим, император Шэнь-цзун (Святой предок), в царствование

функция императора простирается и на мир животных (и даже растений и неодушевленной природы!). Такая точка зрения особенно характерна для дальневосточного культурного региона, хотя и не ограничивается им. С другой стороны, подобная ситуация потенциально давала повод для сатирических выпадов в адрес непросвещенного правителя, не умеющего отличить людей от животных. Достаточно вспомнить колкость Дубровского-старшего в адрес Троекурова при осмотре образцовых псарен: «...псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам» (Пушкин 1987: 128). Кстати, если японская фрейлина никак не комментирует присвоение чиновничьего ранга животному, то Лю Жоюя с явным неодобрением относится и к подобной практике, и к самому факту существования во дворце данного учреждения.

²⁴ Подобная речевая практика тоже находит параллель в Древнем Египте, где в период Нового царства для обозначения царя использовался термин «Великий дом» (пер-о), дошедший до нашего времени в греческой транскрипции как «фараон» (История... 1983: 106).

которого Лю Жоюй поступил на придворную службу, в данном тексте именуется Шэнь-мяо, то есть «Святой храм предков». Как обширная эрудиция Лю Жоюя, так и долгий опыт службы в Департаменте управления церемониалом отразились на его литературном стиле.

Научная ценность «Чжо чжун чжи» была осознана уже первыми читателями, в частности, уже упоминавшимся Ли Цином, который участвовал в пересмотре дела Лю Жоюя. После падения в 1644 г. империи Мин и воцарения в Китае маньчжуров составители официальной истории «Мин ши» (которая была закончена в 1736 г.) использовали эту книгу в качестве одного из источников.

Еще раньше ученый по имени Люй Би, о котором известно очень мало²⁵, выделил из сочинения пять цзюаней – с 16-го по 20-й, на содержании которых мы останавливались выше, отредактировал и составил из них отдельное сочинение, известное сегодня под названием «Мин гун ши» – «История минских дворцов». Композиционно подобное вычленение прошло безболезненно, поскольку отобранные главы изначально были объединены общей темой жизни императорского двора, но собственное видение Люй Би ощутило сказало на новом варианте текста, в частности изменилась последовательность глав, каждая из которых к тому же оказалась соотнесена с одним из пяти первоэлементов китайской натурфилософии – металлом, деревом, водой, огнем и землей.

В XVIII в. книга «Чжо чжун чжи» попала под запрет, поскольку в одной из глав для обозначения маньчжуров использован иероглиф «варвары» и нарушены табу на употребление личных имен ранних маньчжурских правителей²⁶. После прихода к власти в Китае маньчжурской династии, особенно в условиях свирепствующей в стране «литературной инквизиции», выявлявшей и изымавшей, уничтожавшей или подвергавшей жесткой цензуре неугодные про-

---

²⁵ Люй Би (второе имя Чжэньцзю) родился в Сучжоу, после падения династии Мин ушел в даосские монахи и жил отшельником на горе Линьяньшань, у подножия которой и похоронен. Автор двух книг – «О началах явлений и предметов» (в 34 цзюанях) и «История Минских дворцов» (<https://zh.wikipedia.org/wiki/吕毖>). Википедия датирует время его жизни периодом царствования Чун-чжэнь (1628–1644), но краткость этого царствования и тот факт, что Люй Би пережил гибель династии, делает очевидными приблизительность подобной датировки и необходимость расширить предполагаемые хронологические рамки его биографии.

²⁶ См.: <https://zh.wikipedia.org/wiki/酌中志>

изведения, подобной причины оказалось достаточно для запрета²⁷. При этом «Мин гун ши», в тексте которой данная глава отсутствует, продолжала распространяться и даже вошла в «Полное собрание книг по четырем разделам» – своеобразное собрание «благонадежных» сочинений.

Начиная с середины XIX в. сочинение Лю Жоюя вновь стали издавать в полном объеме. Оба варианта книги регулярно переиздаются в Китае. Как «Чжо чжун чжи», так и «Мин гун ши» активно используют китайские и западные историки, исследователи быта, культуры, повседневной жизни эпохи Мин и даже археологи²⁸. Источник представляет большую ценность не только потому, что содержит информацию из первых рук, но и потому, что представленные там сведения зачастую уникальны. При этом время от вре-

²⁷ Подробнее о деятельности «литературной инквизиции» см.: Доронин 2002: 25–27.

²⁸ Достаточно отметить, что авторы четырех из восьми статей, помещенных в сборник *Culture, courtiers and competition: the Ming Court (1368–1644)*, используют в качестве источника работы Лю Жоюя: *The Eunuch Agency Directorate of Ceremonial and the Ming Imperial Publishing Enterprise* (Scarlet Jang); *Didactic Picture Books for Late Ming Emperors and Princes* (Julia K. Murray); *Imperial Agency in Ming Music Culture* (Joseph S. C. Lam); *Tibetan Buddhism and the Creation of the Ming Imperial Image* (Dora C. Y. Ching) (Robinson 2008: 116–185, 231–268, 269–320, 321–364). См. также: Dardess 2002: 33–38, 44, 45 ff.; McMahon 2016: 128–129, 131–133, 137, 139–140 ff.; Бай Вэйго 2016: 272 и др.; Ван Синь 2013: 113–114; Дин-лин 1990: 136, 234 и др.; Мю Ди 2008: 3, 9; Чжао Чжунънань 2017: 566, 575, 583 и др.]. Авторы фундаментальной «Кэмбриджской истории Китая» используют сведения из книги Лю Жоюя для характеристики личности императора Ваньли (Mote, Twitchell 1988: 514), кроме того, «Чжо чжун чжи» уделено внимание в главе, посвященной историческим сочинениям, созданным в минский период, причем в разделе, посвященном жанру «Записки», работа Лю Жоюя становится предметом специального рассмотрения. Авторы дважды отмечают, что это очень редкий пример сочинения, написанного придворным евнухом, а также важность этого источника, к особенностям которого относятся как осведомленность автора о событиях дворцовой жизни, так и тот факт, что оно не несет на себе печать традиционного предубеждения чиновников по отношению к евнухам (*Ibid.*: 752, 765). Интересно, что автор предисловия к пекинскому изданию «Мин гун ши» 1982 г. тоже, сразу после изложения биографии Лю Жоюя, прилагает усилия к тому, чтобы развеять заведомое предубеждение читателей по отношению к книге, написанной придворным евнухом и имевшей главной целью самооправдание. При этом используется следующая аргументация, призванная превратить предполагаемые недостатки книги в достоинства: раз Лю Жоюй был евнухом, значит, на протяжении долгого времени видел закулисные придворной жизни; раз книга написана евнухом, значит, речь в ней идет не о тех же предметах, что в книгах ученых; раз она написана с целью самооправдания, значит, отличается от официальных сочинений (Лю Жоюй 1982: 1).

мени новые находки памятников материальной культуры свидетельствуют о высокой степени достоверности зафиксированных в книге данных²⁹. В 2015 г. в КНР вышло интересное исследование, посвященное истории изданий «Чжо чжун чжи»³⁰. Несмотря на широкое использование, полного перевода на европейские языки, насколько мне известно, пока не существует.

Не подлежит сомнению важность сочинения Лю Жоюя, наряду с официальными источниками минской эпохи, для исследования феномена императорского двора в Китае.

Представляется интересной попытка типологического сопоставления сведений о китайском императорском дворе, изложенных в книге Лю Жоюя, с материалами об организации и нормах существования других монархических дворов, равно как и попытка определить ее место в ряду других произведений мемуарной литературы, вышедших из придворной среды.

Изучение данных этого ценнейшего источника не только обогащает отечественную историографию двора монарха новым фактическим материалом о китайском дворе XVII в., но и может способствовать выявлению общих принципов организации и функционирования института двора в различных культурно-исторических регионах как феномена общечеловеческой культуры. Автор надеется реализовать это направление исследований в своих дальнейших публикациях.

Литература

Агеева, О. Г.

2008. *Императорский двор России 1700–1796*. М.

2018. *Императорский двор России эпохи Павла I*. М.

Алексеев, В. М. 1966. *Китайская народная картина*. М.

Анциферов, Н. П. 1926. Город как объект экскурсионного изучения. *Краеведение* 2: 167–181.

---

²⁹ В частности, в результате осуществленных в середине XX в. раскопок гробницы Дин-лин, в которой похоронен минский император Шэнь-цзун и две его супруги, среди вещей императрицы Сяо-цзин была найдена кофта, декор которой соответствует описанному Лю Жоюем – на груди и спине нашивки с изображением тигров и ядовитых насекомых [Дин-лин 1990, т. 1: илл. 126, 127, т. 2: 136, 137, рис. 233].

³⁰ 陳天浩 劉若愚《酌中志》版本詳考//明清史集刊第11卷(2015年3月)頁271–314. URL: https://www.academia.edu/35562867/劉若愚_酌中志_版本詳考.

Бокщанин, А. А.

1968. *Китай и страны Южных морей*. М.

1986. *Удельная система в позднесредневековом Китае*. М.

Гань Бао. 1994. *Записки о поисках духов*. СПб.

Джарьылгасинова, Р. Ш., Ионова, Ю. В. 1989. *Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл*. М.

Доронин, Г. Б. 2002. *Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.* СПб.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений / пер. с кит. исслед., примеч. и прилож. Н. П. Сви-
стунной. Т. 1–3. М., 1997–2012.

История Древнего мира: в 3 кн. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. 1983. Кн. 1. Ранняя древность. М.

Ли Юй. 1995. *Полуночник Вэйян или Подстилка из плоти: Роман; Двенадцать баиен: Повести; Случайное пристанище для праздных дум: Эссе-размышления*. М.

Мещеряков, А. Н. 2004. *Японский император и русский царь. Элементная база*. М.

Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 1988. Т. 2. М.

Мурасаки Сикибу. 1992. *Повесть о Гэндзи*. Приложение / вступ. ст., сост., пер. с яп. стихотворных текстов Т. Л. Соколовой-Делюсиной. М.

Монтэ, П. 1989. *Египет Рамсесов*. М.

Отто, Б. К. 2008. *Дураки: Те, кого слушают короли*. СПб.

Пушкин, А. С. 1987. *Соч.*: в 3 т. Т. 3. М.

Симбирцева, Т. М. 2012. *Владыки старой Кореи*. РГГУ.

Сэй Сёнагон. 1975. *Записки у изголовья*. М.

Троицкий, Н. А. 1994. *Александр I и Наполеон*. М.

Тютчева, А. Ф. 1990. *При дворе двух императоров. Воспоминания, дневники 1853–1882*. Тула.

У Хань. 1980. *Жизнеописание Чжу Юаньчжана*. М.

Хачатурян, Н. А. (ред.)

2001. *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда*. М., СПб.

2004. *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. М.

2006. *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти*. М.

2008. *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М.

Шишкин, В. В. 2018. *Французский королевский двор в XVI в. История института*. СПб.

Dardess, J. W. 2002. *Blood and History in China. The Donglin Faction and its Repression 1620–1627*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Goodrich, L. C., Fang Chaoying (eds.). 1976. *Dictionary of Ming Biography*. Vol. 1. New York.

McMahon, K. 2016. *Celestial Women. Imperial Wives and Concubines in China from Song to Qing*. New York, London: Lanham, Boulder.

Robinson, D. M. (ed.). 2008. *Culture, Courtiers and Competition: the Ming Court (1368–1644)*. Cambridge (MA); London.

Mote, F. W., Twitchett, D. (eds.). 1988. *The Cambridge History of China*. Vol. 7. *The Ming Dynasty, 1368–1644*. P. 1. New York.

На китайском языке:

Бай Вэйго. 2016. Цзинь пин мэй фэнсу тань (Разговор об обычаях [отраженных] в романе «Цзинь пин мэй»). Бэйцзин.

Ван Си. 2013. Миндай фуши яньцзю (Исследование костюма эпохи Мин). Бэйцзин.

Гунли го данянь (Встреча Нового Года в [императорском] дворце). 2016. Бэйцзин.

Дин-лин ([Императорская гробница] Дин-лин). 1990. Т. 1, 2. Бэйцзин.

Лю Жоюй

1982. *Мин гун ши* (История Минских дворцов). *Гао Шици Цзинь ао туйши бицзи* (Записки во время приема пицци подле Золотой черепахи). Бэйцзин.

1994. *Чжо чжун чжи* (Записки за вином). Бэйцзин.

Мяо Ди. 2008. Чун-чжэнь хуанди дачжуань (Подробная биография императора Чун-чжэня). Бэйцзин.

Чжао Чжунънань. 2017. Миндай гунтин дяньчжи ши (История придворного церемониала эпохи Мин). Бэйцзин.